

Тот, кто может превратить врага в друга, если оттолкнуть его в порыве гнева, неразумен.

Фу Цун:

— В твоих глазах все не так уж плохи. Ну, надеюсь, он запомнит твою доброту и будет меньше пакостить.

С актерским мастерством все как с первым разом: сначала трудно, потом легче.

Цзи Тинсэнь чувствовал, что преодолел некий барьер, и до самого конца рабочего дня был в отличном настроении.

Он поднялся наверх, чтобы принять душ и переодеться, а когда спустился, Цинь Чжэнь уже сидел в столовой.

Цинь Чжэнь просто помыл руки, его пиджак висел на соседнем стуле, а черная рубашка подчеркивала его стройную фигуру:

— Проблема решена?

Он был очень наблюдательным и не мог не заметить, что Цзи Тинсэнь в последние дни выглядел озабоченным.

Дела в шоу-бизнесе были мелочью, он и не спрашивал, но если бы Цзи Тинсэнь действительно не смог справиться, Лэй Фэйхун доложил бы.

Конечно, если бы Цзи Тинсэнь сам попросил о помощи, учитывая его недавние успехи, Цинь Чжэнь мог бы и вмешаться.

Но, как видно, он зря беспокоился.

Цзи Тинсэнь сел на стул напротив Цинь Чжэня, его глаза были мягкими и изящными:

— Да, все прошло гладко.

Их отношения стали более гармоничными, и, живя под одной крышей, они начали чаще общаться.

Во время ужина Цзи Тинсэнь сообщил Цинь Чжэню, что через неделю уезжает на съемки:

— Это современный сериал, все съемки будут в Цзине, так что это не помешает поездкам в старый особняк. Просто позвони мне за пару дней, чтобы я мог взять отгул.

Они не назначали конкретных дней для поездок в старый особняк, просто раз в месяц, когда работа была не такой напряженной.

Цинь Чжэнь:

— Хорошо.

Подумав, он добавил:

— Ты ничего не терял?

Цзи Тинсэнь слегка замер:

— Что?

Цинь Чжэнь говорил спокойно, но не упускал ни одной детали в выражении лица Цзи Тинсэня:

— Я потерял галстук и запонку. Не знаю, может быть, уборщицы нечисты на руку... Цена вещей не так важна, но вдруг в следующий раз пропадут важные документы. Это нужно выяснить.

Цзи Тинсэнь мысленно добавил: Возможно, еще и зажим для галстука.

Он экспериментировал и обнаружил, что личные вещи Цинь Чжэня могут защитить его от отката на две недели, конечно, только в случае обычного общения с Минжуй. Если же он попытается изменить сюжет, как в прошлый раз, то, вероятно, потребуется... вдохнуть что-то.

Вдыхать он не мог, но взять что-то из одежды Цинь Чжэня, использовать и вернуть обратно, чтобы нормально общаться с Минжуй, — это было слишком заманчиво.

Если бы он знал, что его так быстро раскусят, он бы не копил вещи целый месяц, чтобы вернуть их все сразу.

Лень — это грех, подумал Цзи Тинсэнь.

Сейчас, если он не признается, пострадают невинные уборщицы, а если признается, то будет выглядеть как извращенец.

Не знаю, взорвется ли Цинь Чжэнь.

И даже если он признается, некоторые вещи невозможно объяснить, разве что он признается, что все еще безумно влюблен в Цинь Чжэня и тоскует по нему, глядя на его вещи. В этом случае их нынешний мирный статус-кво может рухнуть в одночасье.

Даже Цзи Тинсэнь, который всегда находил выход из любой ситуации, почувствовал неловкость, особенно когда серо-голубые глаза Цинь Чжэня уставились на него, как у хищника, выслеживающего добычу.

Тишина, которая заставляла сердце биться быстрее, казалась бесконечной.

Цинь Чжэнь прищурился:

— Сенгэ, о чем ты думаешь?

Он обычно называл Цзи Тинсэня по полному имени, но сейчас, используя почтительное обращение, он больше походил на хищника, готовящегося к атаке.

Цзи Тинсэнь много раз думал, как бы он отреагировал, если бы Цинь Чжэнь назвал его «гэ». В любом случае, ему хотелось бы потрепать его по голове, как он это делал с Минжуй.

Но сейчас он чувствовал большее давление, чем когда он полностью взял на себя управление семьей Цзи в прошлой жизни.

В конце концов, он сказал:

— Это не уборщицы.

Цинь Чжэнь, как будто не расслышал, повторил, как это делал Цзи Тинсэнь:

— Что?

Спасибо своей нынешней профессии актера, подумал Цзи Тинсэнь, и начал полуправдиво врать:

— О других вещах я не знаю, но запонка, возможно, просто куда-то закатилась... Такие маленькие вещи... Может, когда-нибудь найдется. А галстук... Ну, я случайно уронил его, когда убирал одежду, он испачкался, и я выбросил его.

Цинь Чжэнь поднял бровь, казалось, он не до конца поверил:

— Да, случайно уронил два галстука?

Цзи Тинсэнь:

— ...Да.

— Какое совпадение.

— Да, совпадение.

— Почему не смотришь на меня, совесть мучает?

— Боюсь, что ты разозлишься, лучше не смотреть.

Цзи Тинсэнь говорил это, чувствуя, что что-то не так.

Он вздохнул, вспомнив, что в прошлой жизни его называли образцом для подражания среди молодежи аристократических семей, а теперь он тайком и подло воровал вещи. Как же непредсказуема судьба.

Цинь Чжэнь добавил:

— Я забыл тебе сказать, что после первой пропажи я установил камеру в прачечной. Камера была спрятана довольно хорошо, Сенгэ, ты довольно ловко снимал запонки с моих рубашек.

Ловко снимал запонки.

Ловко.

Цзи Тинсэнь:

— ...!

Эти слова звучали как проклятие.

Цинь Чжэнь, увидев, как молодой человек резко посмотрел на него, его ясные и удивленные глаза, вдруг рассмеялся.

Смех был недружелюбным, он бросил палочки на стол, его аура была пугающей:

— Ты действительно выдумщик. Три минуты, объясни!

Если бы пропавшие запонки не были подарком от бабушки, он бы и не обратил внимания на их пропажу.

Но... результат был действительно неожиданным.

Цзи Тинсэнь, оказавшись в этом мире, сталкивался с неловкими ситуациями не раз, и, кажется, все они были связаны с Цинь Чжэнем.

Сейчас было даже более неловко, чем когда его поймали в отеле, потому что тогда он был чист перед собой.

Цинь Чжэнь хорошо разбирался в допросах и не давал собеседнику времени на раздумья, резко сказал:

— Говори! Или ты хочешь, чтобы родители приехали...

Цзи Тинсэнь:

— ...Я скажу.

Признаться в реинкарнации было невозможно, объяснить, что ему нужны личные вещи Цинь Чжэня, чтобы бороться с откатом, — даже если его не сочтут сумасшедшим, это было неприемлемо.

Не только потому, что это звучало невероятно, но и из-за естественной осторожности.

Хотя он больше не был главой семьи Цзи, инстинкт не показывать свои слабости остался.

Перед тем как начать свою игру, он снова вздохнул, понимая, что его месяц упорных занятий актерским мастерством был подготовкой именно к этому моменту.

Только Цинь Чжэнь был не так прост, как Мэн Ланьфэн.

Он откинулся на спинку стула, прикрыв глаза рукой, как будто не выдерживая тяжести, но на самом деле боясь, что Цинь Чжэнь увидит что-то в его глазах.

Преданный актер готовился к роли, с грустью и беспомощностью:

— Цинь Чжэнь, ты не можешь так поступать.

— Я стараюсь выполнить то, что обещал: не лезть, не признаваться в любви, не позориться. Ты не можешь этого отрицать.

— Но забыть любовь не так просто. Я стараюсь, дай мне немного времени.

— Брать твои вещи было неправильно, но я просто играл с ними пару дней, а потом возвращал... Ты слышал о том, что люди смотрят на вещи и вспоминают?

— Ты можешь игнорировать мою любовь, но не угрожай мне родителями.

— Ты делаешь мне больно, и мне очень стыдно...

Цзи Тинсэнь: Спасибо сериалу «Незабываемое» за то, что это любовная история, многие реплики можно использовать, слегка изменив их.

Цинь Чжэнь:

Молодой человек напротив все еще сидел, прикрыв глаза рукой, его лицо, слегка запрокинутое, выглядело еще более изящным, его губы, тонкая шея и слегка дрожащий кадык — все это выглядело хрупким и красивым.

Его откровенные жалобы и признания вызывали жалость.

Он вспомнил, как Цзи Тинсэнь крал его пижаму некоторое время назад. Оказывается, все началось тогда.

Автор хотел сказать: Цзи Тинсэнь: «Жизнь тяжела, слушай мой бред». (Не совсем.)

Благодарю всех, кто поддерживал меня с 2020-09-28 18:23:57 до 2020-09-29 16:52:08, за голоса и за поливку питательной жидкостью, мои маленькие ангелочки!

Спасибо за поливку питательной жидкостью: Лань Мэнь 10 бутылочек; Шуан Му 5 бутылочек.

Огромное спасибо за вашу поддержку, я продолжу стараться!

<http://bllate.org/book/16159/1447737>